

ПРЯМО ИЛИ КОСВЕННО?

При наличии нескольких рисков страховщик или судья должны определить, какой из них был действенным и повлек наступление страхового события. Это непростая задача, поскольку причина, которая, как казалось на первый взгляд, спровоцировала наступление страхового случая, на самом деле может оказаться лишь второстепенной.

Принцип *proxima causa non remota spectatur* (принимается во внимание ближайшая причина, а не отдаленная) является одним из важнейших принципов страхового права, особенно при определении того, действительно ли определенное страховое событие напрямую связано со страховым риском. Данный принцип предполагает, что все страховые события влекут за собой возмещение страховой суммы, если они напрямую были причинены риском, от которого было застраховано имущество.

Английская практика

Первыми сформулировали данный принцип английские судьи, а впоследствии он был инкорпорирован в Закон о морском страховании от 1906 г. Так, гл. 55(1) этого Закона гласит: "Согласно правилам данного Закона, и если иное не предусмотрено в полисе страхования, страховщик ответственен за любой убыток, прямо причиненный риском, от которого было застраховано имущество, но согласно вышесказанному он не отвечает за любой убыток, который не был прямо причинен риском, от которого было застраховано (имущество)".

Таким образом, при наступлении страхового случая в первую очередь необходимо установить, действительно ли такое событие стало результатом прямого влияния риска, от которого было застраховано имущество.

Указанный принцип начал интенсивно использоваться, поскольку при страховании морских судов и наступлении страхового события зачастую причиной событий являлись несколько рисков, некоторые из которых не входили в список застрахованных событий в договоре. Так, например, в деле *Dudgeon v. Rembroke* причиной потопления корабля стала плохая погода (1874, L.R. 9 Q.B. 581). Однако, как отмечал судья Блэкберн, исходной причиной стало то, что корабль отплыл из порта в Лондоне в аварийном состоянии. Поэтому в данном случае причина потопления корабля не совпала с тем риском, от которого был застрахован корабль, даже если он был последним в цепочке событий, которые предшествовали потоплению корабля.

При этом английское право устанавливает, что при каждом страховом событии искать исходную причину бессмысленно (Howard Bennett. *The Law of Marine Insurance*, OUP, 1996. P. 116). Поэтому было установлено, что надо искать причину в действии, а не ту, которая является близкой по времени.

Данное правило было применено в деле *Leyland Shipping Co. Ltd. v. Norwich Union Fire Insurance Society Ltd.*, усложненном тем, что корабль был застрахован во время войны, но не от последствий военных действий (1918, A.C. 350). Корабль был атакован немецкой подводной лодкой, которая пустила торпеду в сторону корабля. После этого корабль с помощью буксира был приведен к причалу, но власти, опасаясь, что корабль пойдет ко дну в районе причала, приказали, чтобы он находился во внешних водах. Через два дня корабль, набрав очень много воды, затонул. Владельцы потребовали возмещения страховой суммы, но им отказали на основании того, что причиной потопления корабля был не застрахованный риск, т.е. опасности моря, а военные действия, от которых корабль не был застрахован.

Когда дело дошло до высшей инстанции - палаты лордов, лорд Аткинсон предупредил о "тенденции рассматривать две совпадающие причины в качестве предшествующей и последующей причины, из которых последняя является прямой причиной, а первая косвенной, разобрать компоненты сложных причин и установить порядок очередности между ними" (Там же. С. 365). Далее, лорд Шоу отмечал, что та причина из числа приведших к наступлению страхового события, которая была действенной, и является прямой причиной (Там же. С. 369). Именно она должна рассматриваться страховщиками и судами как та, которую нужно принимать во внимание при установлении причинной цепочки событий.

В другом деле суд отметил, что за каждой причиной стоит причина, но определяющей является та, которая на самом деле повлекла убыток, а не та, после которой наступил страховой случай (*Yorkshire Dale Steamship Co. Ltd. v. Minister of War Transport (The Coxwold)* 1942 A.C. 691). Хотя это не означает, что причина, которая повлекла наступление страхового события, не является прямой причиной. Если застрахованный объект был потерян при наступлении страхового случая, то причиной потери является та, после которой объект все равно был бы потерян, даже

если бы после этого не произошли другие события, которые усугубили положение застрахованного объекта, а затем повлекли потерю.

Вместе с тем нельзя сказать, что действенная причина повлекла бы потерю даже при отсутствии других обстоятельств. Если бы, например, корабль, о котором шла речь выше, благополучно причалил к берегу и был отремонтирован, то, скорее всего, он тогда бы уцелел. Однако такой ремонт не произвели, корабль потонул, и причиной являлась атака подводной лодки, а не простое затопление водой или буря.

Российская практика

В страховом законодательстве РФ принцип *proxima causa non remota spectatur* отсутствует. Например, по договору имущественного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить другой стороне (страхователю) или иному лицу, в пользу которого заключен договор (выгодоприобретателю), причиненные вследствие этого события убытки в застрахованном имуществе либо убытки в связи с иными имущественными интересами страхователя (выплатить страховое возмещение) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы) (ст. 929 ГК РФ).

Итак, нигде не оговаривается понятие прямого влияния риска, от которого застраховано имущество. Но при этом ч. 2 статьи перечисляет риски, которые могут быть застрахованы по договору имущественного страхования. Вместе с тем в комментарии к статье отмечено, что список перечисленных рисков не является исчерпывающим и что стороны могут оговорить дополнительные риски (Борисов А.Б. Комментарий к ГК РФ. 5-е издание. Книжный мир, 2005. С. 849). Самое интересное, что ни законодатель, ни комментатор не говорят о причинной связи риска и события. Можно предположить, что суд и страховщики вынуждены устанавливать причинную связь и определять наличие данного принципа самостоятельно.

Отметим, что в страховом законодательстве Великобритании, как и в российском, перечисляются включенные и исключенные риски, но в последнем не оговаривается, какой риск принимается во внимание при наступлении страхового события. При наличии нескольких рисков суд и страховщик будут вынуждены по аналогии с уголовным правом определить, какой из рисков явился действенным и повлек наступление страхового события.

В этом отношении интересно рассмотреть дело о взыскании убытков, причиненных в результате ДТП, рассмотренное в ФАС УО (Постановление от 22.09.2005 N Ф09-3046/05-С3). Данное дело не касается страхования, но тем не менее суд установил причинную связь между событием и последствием. В частности, суд высшей инстанции установил, что находящийся на момент аварии транспорт не являлся источником повышенной опасности, и, значит, в данном случае должен быть применен иной принцип ответственности за вред. Интересно, что, устанавливая причину аварии, суд определял, является ли машина источником повышенной опасности.

Между тем в деле, которое непосредственно касалось страхования, суд постановил: одна причина не может являться действенной причиной наступления страхового случая (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 28.11.2003 N 75 "Обзор практики рассмотрения споров, связанных с исполнением договоров страхования", п. 6). В данном деле страхователь застраховал урожай сахарной свеклы. В исследовании Президиума ВАС РФ отмечалось: "Страховой случай представляет собой совокупность юридических фактов. Событие, на случай наступления которого производится страхование, включает в себя не только опасность, от последствий которой заключается страхование. В рассматриваемом случае арбитражным судом ошибочно страховым случаем признана засуха, являющаяся лишь опасностью. Страхование же производилось на случай недобора урожая вследствие различных причин, в том числе засухи".

Значимость данного исследования заключается в том, что суд впервые отдельно от законодательства признал связь опасности (риска) и страхового события, при этом указывая, что одна причина (в данном случае это была засуха) не может быть признана действенной. Однако суд не признал засуху исходной причиной, хотя недобор урожая произошел именно из-за нее. Суд признал, что засуха является одной из причин, но не той, которая спровоцировала недобор урожая.

Здесь необходимо привести замечание Кларка о том, что не все риски могут быть признаны действенными. Если, например, человек или имущество пострадает в местности, где штормы являются редкостью, и именно от шторма, то причиной события можно назвать шторм. Но если штормы там происходят очень часто, то причиной события является само решение страхователя находиться именно в данной местности или хранить свое имущество в данной местности (Malcolm A. Clarke. *The Law of Insurance Contracts*, 3rd Edition, LLP, London, 1997. P. 692).

Следовательно, не всегда причина, повлекшая потерю, является действенной, она может быть признана второстепенной в силу наличия другой причины, которая прямо спровоцировала

наступление страхового события. Так, видимо, произошло в случае недобора урожая: засуха являлась действенной причиной, но не основной, так как недобор произошел вследствие совокупности нескольких причин.

Логика вместо теории

Из вышеизложенного можно заключить, что и английские, и российские суды определяют причинную связь между риском и событием, наступившими вследствие этого риска. Отличие российской судебной практики от английской в том, что первая не имеет теоретической основы определения причинной связи между данными элементами, тогда как английские судьи имеют. Российские суды вынуждены руководствоваться общими правилами и при этом делать заключения, которые не всегда соответствуют самому принципу.

Трудно сказать, изменится ли положение дел в случае внедрения данного принципа в страховое законодательство. Ведь он теоретически неизвестен российским судьям, а это значит, что потребуются переформулировка этого принципа в страховом праве РФ.

Вместе с тем дело, связанное со страхованием урожая, показывает, что российские судьи имеют понятие о принципе *proxima causa non remota spectatur*. Видимо, они руководствовались общими правилами логики, а не теоретическими основами данного принципа.

А.Ахмедов
Докторант
Brunel University,
West London, UK

К публикации подготовил
А.Каширин
Газета "ЭЖ-Юрист"

Подписано в печать
06.03.2009
